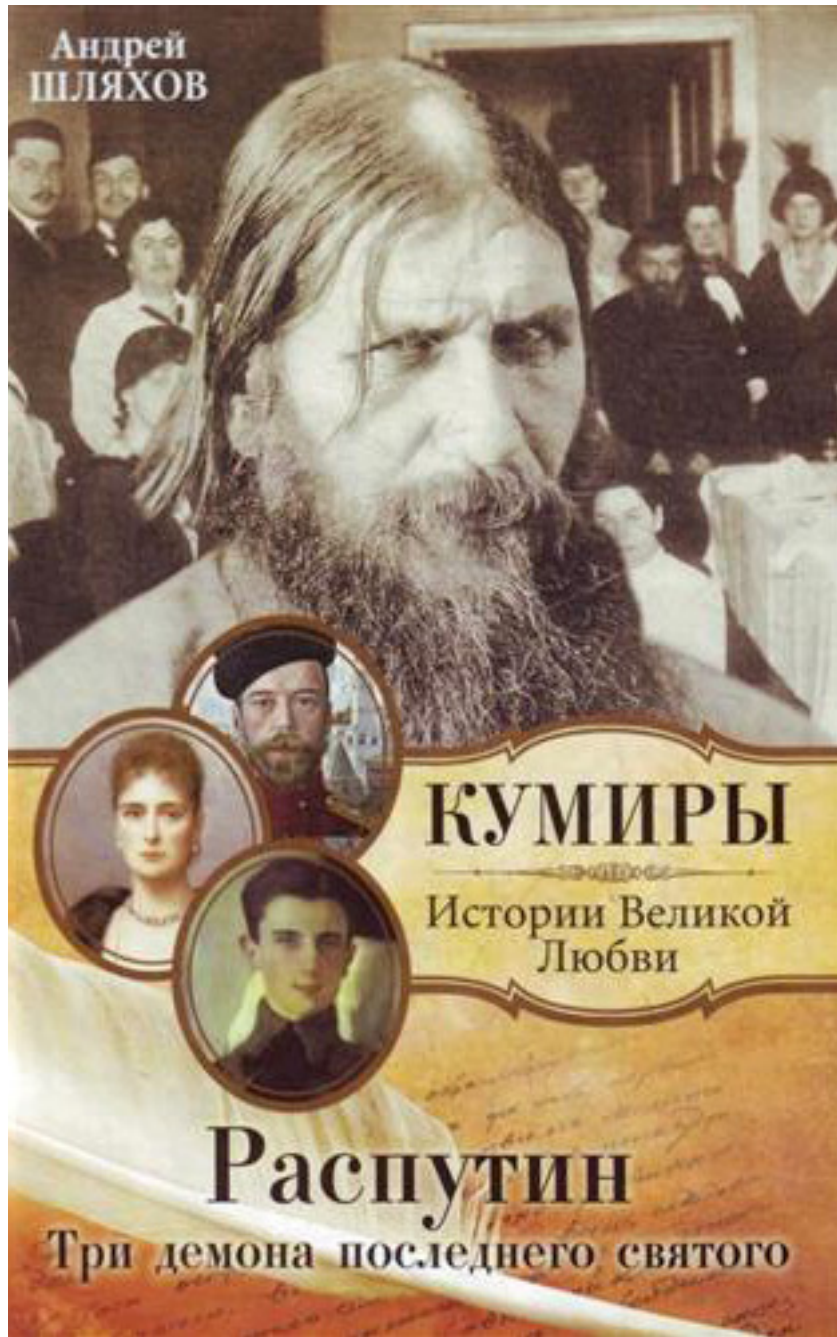

Андрей
ШЛЯХОВ

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Распутин

Три демона последнего святого

Андрей Шляхов

**Распутин. Три демона
последнего святого**

«Автор»

2011

Шляхов А. Л.

Распутин. Три демона последнего святого / А. Л. Шляхов —
«Автор», 2011

Он притягивает и пугает одновременно. Давайте отбросим суеверные страхи и предубеждения и разберемся, в чем магия Распутина, узнаем кто он? Хлыст, устраивавший оргии и унижавший женщин высшего света, покоровивший и загнипнотизировавший многих, в том числе и Царскую семью, а впоследствии убитый гомосексуалистом? Оракул, многие из предсказаний которого сбылись, экстрасенс – самоучка, спасший царевича, патриот, радевший о судьбе России, а затем нагло, беззастенчиво оклеветанный? Одно можно сказать с уверенностью – Распутин одна из самых интересных и до сих пор непонятых фигур. Уже сто лет в России не было личности подобного масштаба, но... история повторяется, и многое в сегодняшних беспокойных временах указывает на то, что новый «Распутин» скоро появится.

© Шляхов А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

От автора	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Шляхов

Распутин. Три демона последнего святого

Блажен муж, иже не иде на совет нечистивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля Его, и в законе Его поучится день и ноць. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивши, не тако, но яко прах, его же возметает ветр от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивши на суд, ниже грешници в совет праведных. Яко вестъ Господь путь праведных, и путь нечистивых погибнет.

Псалтырь, Пс.1

*Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

Н. С. Гумилев. «Наступление»

Я знала, что отца, в отличие от прочих, окружает какая-то тайна. Знала, что он обладает даром целительства. В общем, знала, что мой отец особенный. Но при этом воспринимала только как любимого отца. До остального мне дела не было.

Матрена Распутина. «Распутин. Почему?» (Воспоминания дочери)

От автора

О Григории Распутине писали много. И все по-разному, с разным отношением, с разными целями.

Такой уж он был, Григорий Распутин. Неординарный, неоднозначный, нестандартный... Кто знает, как могла бы сложиться его судьба, если бы не свела его жизнь с последним царем из дома Романовых и его семьей.

Близость к сильным мира сего опасна, подобно житью у подножия вулкана.

Трагизм судьбы Григория Распутина в том, что, став другом царской семьи, он одновременно превратился в мишень для нападков, объект непрекращающейся травли.

Враги метили в царя, а попадали в Распутина. В загадочного, непонятного, неведомо откуда возникшего старца.

Распутина звали старцем не из-за возраста (он не прожил на свете и пятидесяти лет), а из-за его богатейшего духовного опыта.

К сожалению, до нас дошел искаженный образ Григория Распутина. Даже не образ, а нечто вроде гаденькой карикатуры. Распутина усиленно пытались представить то развратным авантюристом, нагло втершимся в доверие к недалекой императорской чете, то шарлатаном, владеющим навыками гипноза, которые и позволили ему приобрести расположение Николая II

и его жены. По образному выражению Александра Блока, пуля, направленная в Распутина, попала в самое сердце династии Романовых.

И мало кто задумывался о том, зачем нужна была Распутину эта близость. Он не искал себе сановных должностей и не сколачивал состояния. После Распутина не осталось никакого капитала – деньги как приходили к нему, так и уходили, не задерживаясь.

Мало кто понимал истинные мотивы, заставившие Распутина осесть в холодном, чопорном, так и не ставшем ему близким Петербурге.

Он был зеркалом, в котором каждый мог увидеть свою душу, себя самого.

Он был загадочным...

Он был непонятным...

Он был – настоящим!

Мне так и хотелось назвать эту книгу – «Рассказ о настоящем человеке», но нечто подобное в отечественной литературе уже было.

Я долго не мог подобрать подходящего названия для книги о загадочном сибирском старце и его безграничной, поистине необъятной любви к людям и миру вообще.

Дописывая последнюю главу, я вдруг понял, что эта книга должна называться «Любовь загадочного старца». Именно так, и никак иначе.

В этой книге нет ни слова авторского вымысла. Разве что если кто-то из современников Григория Распутина позволил себе немного приукрасить действительность...

Приятного чтения!

Глава первая У истоков

Слобода Покровская Тюменского уезда Тобольской губернии была селом большим и вдобавок весьма удачно расположенным. Стояла слобода на берегу реки Туры у оживленного тракта, проложенного между уездным городом Тюменью и губернским центром Тобольском, что называется, на бойком месте. Да и до города Тюмени было недалеко, всего шестьдесят верст, по сибирским меркам – рукой подать.

Девятого января 1869¹ года здесь, в крестьянской семье Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны, родился сын Григорий.

Григорий Ефимович Распутин. Найдется ли в русской истории более загадочная и противоречивая личность? Одни склонны считать его святым мучеником, другие же видят в нем расчетливого прохиндея, коварно втершегося в доверие к царю Николаю Александровичу и царице Александре Федоровне, последним венценосцам династии Романовых.

Даже сама фамилия Распутина истолковывается по-разному.

Недоброжелатели, пафосно восклицая «Бог шельму метит!», возводят ее корни к распутству, а почитатели – к распутице, распутью, распутиванию.

Согласно толковому словарю Владимира Даля («Что-то я распутился», *сиб.* – неможется, расхворался.) нельзя исключить, что своей фамилией Распутины обязаны некоему болезненному, вечно хворому предку.

Вариантов много, и все они разные. Каждый волен выбрать себе толкование по вкусу. Главное, чтобы фамилия не заслоняла личность и не вызывала предвзятого отношения к ее носителю.

Впрочем, далекие предки Распутина, жившие в Вологодской губернии, носили фамилию Федоровы. На новом месте они стали писаться Изосимовыми, по имени того самого Изосима Федорова, который вместе с супругой своей и решил покинуть родные насиженные места, чтобы попытать счастья в далекой, богатой землей Сибири. Затем Изосимовы превратились в Распутиных или Распутиных. Скорее всего уличное прозвище, данное одному из Изосимовых, настолько прилипло к владельцу, что стало новой фамилией.

Появившись на свет, Григорий получил эту фамилию от своего отца, не прилагая к тому никаких усилий, и поначалу носил ее, навряд ли задумываясь о скрытом в ней смысле. Распутин и Распутин. Если на белом свете есть Ивановы, Смирновы, Насоновы, Лебедевы и великое множество других фамилий, то отчего же не быть Распутиным? Нормальная фамилия, не хуже прочих.

10 января 1869 года новорожденный младенец был крещен и наречен в честь святого Григория Нисского, страстного обличителя прелюбодеев. Крестными Григория стали его родной дядя Матвей Яковлевич Распутин и некая девица Агафья Ивановна Алемасова.

Все дети, родившиеся у Ефима и Анны до Григория, умирали в младенчестве. Григорий выжил, но рос мальчиком болезненным, тщедушным, совершенно не отличавшимся тем крепким здоровьем, которое молва традиционно приписывает сибирякам.

В автобиографическом сочинении, названном «Житие опытного странника», Григорий Распутин писал: «Вся жизнь моя была болезни».

Григорий рос отроком странным. Друзей у него не было, да он в них и не нуждался, потому что, по собственному признанию, все свободное время посвящал мечтам о Боге и размышлениям о природе сущего.

---

¹ Все даты приводятся по старому стилю, принятому во время жизни Григория Распутина.

Душе его, порывистой, мечтательной, тонко чувствующей, было тесно в узких рамках крестьянского быта, в котором изнурительная работа чередовалась с беспробудным пьянством. По собственному признанию, в годы юности своей Григорий Распутин «плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они».

Со сверстниками своими он беседовал о том, что волновало его более всего, – о Боге, о приходе Мессии, о птицах – воплощении свободы и небесного бытия. Григорий тянулся к добру, он верил в хорошее, доброе, вечное... Подолгу и часто просиживал он со стариками-односельчанами, жадно внимая их «рассказам о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом...».

Долгими зимними вечерами сельские грамотеи читали вслух Евангелие, разворачивая перед заинтересованными слушателями величайшую из драм в истории человечества, легенду, в которой сплелись воедино и вера, и любовь, и предательство, и лицемерие, и страдание, и несправедливость, и жестокость, и прощение, и грех, и искупление его. Можно вообразить, как действовало Евангелие на мечтательные, восприимчивые к чуду души...

Григорий думал, сравнивал, созерцал, и вся юность его прошла в этом самом созерцании, словно во сне. Сталкиваясь с темными сторонами жизни, Григорий имел обыкновение схорониться в потайном месте и молиться там, молиться истово, самозабвенно, прося у Бога терпения и мудрости. Он был неудовлетворен духовной скудостью своего крестьянского бытия и не находил ответа на многие из вопросов, которые ставила перед ним жизнь. Ему было грустно, и по обычаю предков стал он топить свою грусть там, где она тонет лучше всего, – в вине. Лет с пятнадцати Григорий стал пить, ища в зелье не веселья и радости, но забвения и спокойствия, и пил он долго...

«...разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения – правду Твою?

Но я к Тебе, Господи, взываю, и рано утром молитва моя предваряет Тебя.

Для чего, Господи, отрываешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю. Надо мною прошла ярость Твоя, устрашения Твои сокрушили меня, всякий день окружают меня, как вода: облегают меня все вместе. Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно» (*Пс. 87:13–19*).

Дочь Распутина – Матрена (Мария) Григорьевна, покинувшая Россию после событий октября 1917 года, оставила нам воспоминания о своем знаменитом отце. В ее последней книге «Распутин. Почему?» рассказывается о том, как тонули в реке Григорий и его двоюродный брат Миша, бывший старше годами. Миша утонул, а Григорию удалось спастись, но горьким было это спасение, в котором крылось предсказание его будущей смерти...

«Когда отца затыгивала черная стоячая вода пруда и гнилая жижа, поднимавшаяся со дна, заливала нос, рот и уши, проникая, казалось, в самый мозг, он детским еще сознанием прозрел свой конец, – пишет Матрена Распутина. – Черная обжигающая невская вода, веревки, обвившие его, – и никакой надежды на спасение. Ужасная репетиция. Со страшным знанием о своей смерти он и жил».

Поистине – тяжелая ноша. И лишь крепкому духом была по силам она. Как тут не сорваться?

На Руси пили всегда, с незапамятных времен. Пили задолго до князя Владимира, провозгласившего, что «веселие Руси есть пити», пили везде, во все времена и при всех правителях. Пьянство было нормой крестьянской жизни, первым способом проведения досуга и излюбленным методом избавления от усталости и горьких дум. Пьянство, без преувеличения, было патриархальным правилом земледельцев.

Не являлся исключением из этого правила и Ефим Распутин, отец Григория. Правда, по наследству передалось Григорию умение не допиваться до последнего. Отец его в свое время взялся за ум – бросил пить и начал заниматься летом земледелием, а зимой извозом. Подкармливался он, как и все жители слободы Покровской, от реки – на досуге промышлял рыбной

ловлей и зашибал «живую деньгу», разгружая пароходы и баржи. Со временем Ефим Распутин стал хозяином справным – заимел избу из восьми комнат, кое-какую скотину: двенадцать коров и восемь лошадей. Слобода Покровская вообще считалась богатым селом.

Некоторые односельчане характеризовали Григория как буйного и агрессивного во хмелю. Находились и такие, что обвиняли его в воровстве. Так, покровский крестьянин Картавец рассказывал: «Я поймал Григория на краже у меня остожья... Разрубив остожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом, и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым». Затем Картавец рассказал, что в отместку Распутин украл у него лошадей.

Трудно судить о том, правда это или нет. Ведь Картавец рассказал о пресловутой краже остожья во время допроса следователем «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Комиссия эта была образована Временным правительством 4 марта 1917 года для того, чтобы найти как можно больше фактов, порочащих только что павший режим самодержавия. Вполне возможно, что работа членов Комиссии была весьма пристрастной и интересовались они только разоблачениями да обличениями, и ничем больше. В подобной ситуации об объективности говорить не приходится – сойдет любая ложь, которая «ложится в тему», соответствует поставленной цели.

Кстати говоря, протоколы этой Комиссии обрабатывал и готовил к изданию не кто иной, как знаменитый русский поэт Александр Блок.

Разумеется, чуть ли не в первую очередь Комиссия заинтересовалась личностью Григория Распутина, полуграмотного русского мужика, к слову которого нередко прислушивался сам государь император Николай II.

Тут уж, по меткому народному выражению, всякое лыко годилось в строку, лишь бы порочило образ ненавистного новой власти старца Григория.

«От сети клеветнического языка, от уст сплетающих ложь» не застрахован никто, тем более – мертвые, которые не могут свидетельствовать в свое оправдание. Да и надо ли им это? Известно ведь, что «мертвые сраму не имут».

В архивах вышеупомянутой Комиссии есть показания и о том, как отец посылал Распутина на лошадях за сеном и хлебом в Тюмень, а он возвращался пешком «без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

Впрочем, если даже и водились за Григорием Распутиным по молодости какие-то грехи, то с течением времени они безвозвратно канули в небытие. Не пьянство и кражи стали смыслом жизни Григория Распутина, а поиски истины, поиски смысла жизни, поиски сокровенных законов мироздания, поиски духовности, поиски Христа.

Один из следователей Комиссии, некий Смиттен, не писал в своем заключении относительно молодого Григория Распутина ничего хорошего: «Свидетели отмечают, отец Распутина пил сильно водку. Мальчиком Распутин рос грязным и нечистоплотным, так что сверстники иначе не называли его, как „сопляком“... Пятнадцати лет Распутин начал пить водку, причем после женитьбы на двадцатом году пьянство его еще усилилось... В этом раннем периоде его жизни свидетели характеризуют Распутина как человека хитрого, наглого, с буйно-разгульной, экспансивной натурой. В пьяном виде, бахвалясь, он запрягал лошадей и катался по двору, любил подражаться, ругался скверными словами не только с посторонними, но и с родителями». А вот его коллега, следователь Владимир Руднев, то ли более проницательный, то ли более объективный, признавался впоследствии: «Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, про-

стого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу».

Товарищ (заместитель) прокурора Екатеринославского окружного суда Владимир Руднев демонстративно покинул Комиссию в августе 1917 года. В прошении об отчислении он мотивировал свое решение неоднократными попытками председателя Комиссии Муравьева побудить его «явно к пристрастным действиям». Рудневу было поручено «обследовать источник безответственного влияния при дворе».

В положенное время, восемнадцати лет от роду, Григорий женился на крестьянке Прасковье Федоровне из соседнего села Дубровного. Жена была на несколько лет старше мужа. Согласно данным переписи 1897 года семью Распутиных составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Примечательно, что Григорий не стремился по обычаю того времени, женившись, отделяться от отца и жить своим, самостоятельным, хозяйством. Однако и от крестьянского труда не уклонялся. «Много в обозах ходил, много ямщикал и рыбу ловил и пашню пахал, действительно это все хорошо для крестьянина», – пишет Распутин в своем «Житии опытного странника». Работящая и хозяйственная Прасковья родила Григорию семерых детей, из которых трое первых умерли, трое последующих (сын Дмитрий, родившийся в 1894 году, дочь Матрена и дочь Варвара, появившиеся на свет соответственно в 1897-м и 1900 годах) выжили, а последняя девочка тоже умерла.

Жена не смогла удержать мужа дома. С двадцати восьми лет Григорий Распутин начал уходить в странствия по святым местам.

Уже упоминавшийся следователь Смиттен писал, что оставить родной дом Григория побудила неприязнь односельчан, недовольных его поведением, и в первую очередь его воровством.

Матрена Распутина же утверждает, что отец никогда не брал чужого. Напротив, он с детства не раз «прозревал» чужие кражи. Не верят в историю с воровством и многие биографы Григория Распутина.

Сам же Распутин писал о своем преобращении так: «Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 28 лет. Вот что тем более толкнуло меня на новую жизнь... Киевские сродники исцелили, и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и врачевал болезнь бессонницы. Очень трудно это было все перенести, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать, и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал».

Он не был лентяем, пускавшимся в странствия для того, чтобы избежать тягот крестьянского труда. Не был и юродивым, блаженным в полном смысле этого слова. В свои двадцать восемь лет Григорий был зрелым семейным человеком, которого на путь странничества могла привести лишь веская, крупная, серьезная причина.

Не обошлось и без знаковой встречи, о которой нам стало известно благодаря Матрене Распутиной. В одной из своих книг она пишет, что отец ее время от времени подрабатывал ямщиком, развозя седоков на своих лошадях по тракту (занимались жители Покровской и таким промыслом). Как-то раз Григорий вез из Покровского в Тюмень студента Духовной академии Мелетия Зборовского (впоследствии он станет епископом Барнаульским и Томским и по совместительству ректором Томской Духовной семинарии). Разумеется, разговор между ними зашел о Боге, и произвел тот разговор настоящий переворот в душе Григория. Рассказав седоку о своих видениях, Григорий спросил у него совета и услышал в ответ: «Тебя Господь позвал».

Раз Господь позвал – послушаться нельзя, грех это великий. Григорий ушел странствовать.

Справедливости ради надо отметить, что на допросе, учиненном ей в 1919 году судебным следователем по особо важным поручениям при Омском окружном суде Соколовым, впоследствии написавшим книгу «Убийство царской семьи», Матрена Распутина показывала иное: «В

жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так воздействовал известный в наших местах странник Дмитрий Иванович Печеркин, родом из деревни Куличи (верст 300 от Тобольска). По крайней мере, перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом. Я помню, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала. Приблизительно это было в 1905 году».

Если начать сопоставлять все сведения о первой половине жизни Григория Распутина, то легко можно запутаться в противоречиях. Да и надо ли копаться в мелких, совершенно несущественных деталях? Какая разница – кто именно или что именно подвигло Григория Распутина на странствия? Важен сам результат. Важно, что Григорий оставил дом свой, семью свою, чтобы отправиться на поиски «ангельского хлеба души человеческой».

«Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (*Пс. 38:13*).

В 1892 году Григорий Распутин отправился в первое свое паломничество или странствие, это уж кому как угодно называть, во время которого посетил он Верхотурский монастырь, расположенный в Екатеринбургской губернии.

Из Верхотурья спустя три месяца вернулся совершенно другой человек. Один из односельчан Распутина по фамилии Подшивалов, встретивший странника на обратном пути, вспоминал, что «возвращался он тогда домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Другой же односельчанин, некто Распопов, вспоминал о Григории так: «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом».

Побывав в Верхотурском монастыре, Григорий Распутин бросил пить, курить, есть мясо и сладости. Пуще прежнего начал он сторониться людей, все больше и больше времени проводил в молитвах, обучился грамоте – причем читал не только на современном ему русском языке, но и по-церковно-славянски.

Задержался он дома недолго – всего через месяц снова собрался в дорогу...

Глава вторая

Очарованный странник

«Пахал усердно, – писал о себе Распутин, – но мало спал, а все ж таки в сердце помышлял, как бы чего найти, как люди спасаются».

Как найти путь к спасению?

Когда-то странничество было широко распространено на Руси. Каждый уважающий себя христианин считал своим долгом поклониться святыням, совершить паломничество по святым местам.

Святых мест хватало: хочешь – ходи по Руси-матушке, по ее некогда многочисленным, славным своими чудотворными иконами и нетленными мощами монастырям, хочешь – отправляйся в Иерусалим.

Паломничали ради спасения души, ради исцеления, как духовного, так и телесного, паломничали все сословия – и крестьяне (разумеется, только свободные, не крепостные), и купцы, и дворяне. Путешествовали к святым местам (не пешком, а в удобных каретах, сопровождаемые придворными и челядью) и императрицы Елизавета, и Екатерина Великая.

Однако с течением времени все меньше и меньше людей отправлялись в странствия по святым местам. То ли вера ослабла, то ли тяжелы на подъем стали люди, то ли не могли они уже бросить разом все свои дела, свои дома и уйти.

К концу XIX века странничество на Руси почти угасло. Лишь редкие люди по зову души своей отправлялись поклониться святым иконам и мощам святых.

Нелегко был удел паломника, бредущего по пыльным дорогам с котомкой за плечами и питающегося милостью добрых людей. «Много путешествовал и вешал, т. е. проверял все жизни... – писал о себе Распутин. – Теперь это сладко описать, а на деле-то пришлось пережить».

Первым делом Григорий посетил Верхотурский Николаевский монастырь, древнюю обитель, основанную кем-то из московских царей триста с лишним лет назад – в XVI веке. В этом монастыре, расположенном в живописном месте на высоком холме, у подножия которого журчали, сливаясь, две речушки, находились мощи праведного старца Симеона, после смерти своей (он умер в 1642 году вследствие чрезмерно строгого поста) причисленного к лику святых угодников. За свою праведность и великое воздержание Симеон Верхотурский весьма почитался в народе, и стекались к нему паломники не только из Сибири и Урала, но и со всей России.

Симеон стал любимым святым Григория Распутина. Иначе и быть не могло, ведь именно он исцелил страдальца от бессонницы. Примечательно, что самого первого человека, исцелившегося от недугов, отершись землей, взятой с могилы старца Симеона, тоже звали Григорием. Случилось это через пятьдесят лет после смерти святого, когда гроб с его телом внезапно поднялся из земли, явив миру нетленные мощи. Более ста лет паломники ходили на могилу Симеона, пока в начале XVIII века его мощи с великим почетом не перенесли в Николаевский монастырь.

Распутин получил от Симеона не только исцеление. Святой угодник ниспослал Григорию непостижимую силу, благословил его на духовный подвиг и стал его покровителем. Распутин часто посещал Николаевский монастырь, как в одиночку, так и со знакомыми. Икону с изображением святого Симеона он подарил царской семье в самом начале знакомства.

Погиб от руки убийц Распутин, Николай II с женой и детьми были расстреляны большевиками, и большевики же выбросили из обители нетленные останки святого Симеона Верхотурского. Осталась только память...

Кроме Николаевского монастыря побывал Григорий и во многих других – начав с ближних, закончил он дальними, за несколько лет не только исходив всю святую Русь, но и забираясь дальше, до самого Иерусалима.

В монастырях Распутину не нравилось, и он никогда не думал о поступлении в какую-нибудь из обителей в качестве послушника. Недоброжелатели утверждали, что не нравилась Распутину строгая монастырская дисциплина, но сам он говорил иное: «Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода – бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей».

Воля, свобода, бескрайние просторы – вот что манило к себе Распутина. Тягостно спалось ему в душных узких кельях, отведенных для ночлега странников, и не лез в рот кусок хлеба, сопровождаемый поучениями, а то и откровенно недоброжелательными взглядами. Душа его, мятущаяся в поисках непостижимой истины, тонко чувствовала фальшь и ложь. Простой крестьянин, что называется «от сохи», о людях он привык судить по мыслям и делам их, а не по сану и количеству поклонов, отбиваемых во время молитв. «Если хорош ты был в миру, иди в монастырь – там испортят, – предупреждал Григорий Распутин. – Не по душе мне монастырская жизнь, там насилие над людьми».

Глашатай любви, любви к Богу, к людям, ко всему миру, он не терпел насилия независимо от формы, в которую оно выливалось. И пусть недоброжелатели Григория, подобные митрополиту Дионисию, писали, что «никому не подчиняться, ни в каком постоянном труде не участвовать, ни перед кем и ни за что не отвечать, но в то же время судить обо всем, учить всех, вмешиваться во все дела, предсказывать все, что имеет быть, и всем давать свои поручения – вот жизненный идеал, который привлекает очень многих. И этот идеал в полной мере воплощен в Распутине».

Достаточно перечитать автобиографические записки Распутина, чтобы понять, насколько служение Богу в качестве странника тяжелее довольно-таки комфортного (в сравнении, разумеется) послушания в монастыре.

Вот что писал сам Григорий: «Я шел по 40–50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии – на одних картошках; не имея с собой капитала, и не собирал вовек: придется – Бог пошлет, с ночлегом пустят – тут и покушаю.

Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела – это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания, нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как они; работал и убегал в кусты молиться. Не один раз пахал пашню и убегал на отдохновение на молитву.

Мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти; так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут: „Одежда неладная“, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбежались. Не один раз нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: „Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю“, – им что-то особенно скажет в сердцах их, они

подумают и скажут: „Откуда ты и что такое с тобой?“ „Я человек – посланный брат вам и преданный Богу“».

В странствиях Распутину ниспосылались свыше знамения. «Как-то, – вспоминал он, – заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: „Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов“».

«И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними.

Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом.

При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.

Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе.

И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: „Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте“» (*Марк, 9:2–7*).

Не обходилось и без искушений: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: „Стань на паперти, собирай милостыню – дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще“, – признавался Распутин. – Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

У себя дома, в Покровском, Григорий устроил особую молельню, в которой проводил долгие часы в молитве, о чем сам писал все в том же «Житии»: «В одно прекрасное время, ходил, думал обо всем, вдруг проникла ко мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришло в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал – треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь...»

Молился Григорий не один – нашлось у него несколько сподвижников среди односельчан, как мужчин, так и женщин. Но не успели молящиеся начать собираться у Григория, как по селу сразу же поползли разного рода скверные слухи, утверждавшие, что уединяются они не для совместной молитвы, а для того, чтобы втайне ото всех предаться блуду. Однако слухи эти так и не нашли подтверждения.

Односельчан Распутина можно было понять – недалекие крестьяне, они искренне недоумевали, почему при наличии в селе действующей церкви – храма Покрова Богородицы (на то и Покровское), кому-то приспичило собираться в тайном домашнем укрытии для того, чтобы коллективно помолиться. Они и представить не могли, что кого-то может чем-то не устраивать родная православная церковь, и не устраивать настолько, чтобы побудить к созданию альтернативного храма на дому.

«Но призи на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой! услышь воззвание и молитву, которою раб Твой молится пред Тобою.

Да будут очи Твои отверсты на храм сей днем и ночью, на место, где Ты обещал положить имя Твое, чтобы слышать молитву, которою раб Твой будет молиться на месте сем» (*Вм. кн. Паралипоменон, 6:19–20*).

Политический ссыльный Александр Сенин, несколько лет проживший в Покровском, бывал на религиозных собраниях в доме Григория Распутина и даже описывал их: «Все чинно расселись по местам, и началось пение. „Братья“ и „сестры“ под руководством Григория начали: „Спит Сион и дремлет злоба, спит во гробе Царь Царей“. Выходило стройно, гар-

монично и красиво... Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме... Тонкие женские голоса печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе, и становилось жаль чего-то, жаль до бесконечности...»

И вот что еще писал Сенин: «Раньше братья выпивали и песни мирские пели, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут трезво, мирно, скромно, замечательно трудолюбивы и с помощью Григория построили себе новые хорошие домики... Все „сестры“... девицы, дочери зажиточных родителей. Намеревались они для спасения души в монастырь идти, да остановились у Григория, тут и „спасаются“.

Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове навязывают, точно монашенки, низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по-монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой... Живут они у Григория с согласия родителей».

Молитвы в сельской церкви Распутина не привлекали. О священниках он отзывался с самобытной иронией. «Когда в храме священник, то нужно его почитать, – писал он, – если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшкой и жалко их. Он же, Христовый, все же батюшка, и не сам, а пожалел их. Так и представляй в очах картину. Ему бы надо в исправники, а он в пошел в батюшки... Ведь батюшка двойко есть – есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем, и он старается служить Богу – наемник же на него всячески доносит и критикует».

Доставалось и церковным иерархам, презрение к «мертвой» книжной учености которых Григорий Распутин пронес через всю свою жизнь. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои... Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги, и не могут они по стопам Спасителя ходить».

Фарисействующему духовенству Распутин противопоставлял себя и своих, если можно так выразиться, «коллег» – «опытных» странников, «избранных в духовных беседах». «Кто может совет дать, так они в уголки позагнаны», – пишет Распутин.

«В улочки позагнаны» были сектанты, наиболее известными из которых и близкими Распутину по взглядам на жизнь были «христы», за свою страсть к религиозному самобичеванию прозванные в народе «хлыстами». Тайные общины хлыстов, называемые ими «кораблями» (имелся в виду корабль, на котором можно уплыть к спасению), были рассеяны по всей стране, особенно часто встречаясь за Уралом, в Сибири.

Первые общины хлыстов появились в XVII веке. Согласно их учению, Господь впервые сошел на землю в Риме и Иерусалиме, дабы насадить по миру веру христианскую, которая сияла и процветала много лет, после чего триста лет приходила в упадок, до тех пор, пока не появился некий «Антихрист от монашеского чина» и окончательно ее не погубил. Возник тогда среди людей спор великий, не могли они понять, по каким книгам следует им спастись – по старым или по новым. Спор разрешил костромской крестьянин Данила Филиппович. Он бросил все свои книги в реку и возвестил людям, что для спасения им нужна только одна книга: «Книга золотая, книга животная, книга голубиная, сам сударь Дух Святой». Люди возрадовались и принялись молить Бога снова сойти на грешную землю. Молитва была услышана, и в Стародубской волости, в Егорьевском приходе, на гору Городину «сокотил среди облаков на огненной колеснице сам Господь Бог Саваоф и вселился в пречистую плоть Данилы Филипповича». Патриарх Никон, узнав о том, сразу же повелел схватить Данилу Филипповича и заключить в темницу, но тогда настала тьма на всей земле. Убоялись слуги Антихристовы и

выпустили Данилу Филипповича на волю. Он вернулся к себе домой в Кострому, где дал еди-
новерцам двенадцать заповедей. Вот они:

- «1. Я тот Бог, который пророками предсказан, другого Бога не ищите.
2. Нет и не ищите другого учения.
3. На чем поставлены, на том и стойте.
4. Храните заповеди Божьи и будете ловцами вселенной.
5. Вина и пива не пейте, блуда не творите.
6. Холостые не женитесь, женатые живите в посестрии.
7. Матерно не бранитесь, дьявола не поминайте.
8. На крестины, свадьбы и гулянья не ходите.
9. Веру держите в тайне, никому, ниже отцу родному, ниже духовному, не объявляйте,
даже под огнем, кнутом и топором.
11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, Богу молитесь.
12. Духу Святому верьте».

«Божьи люди» возрадовались и стали жить по полученному закону.

Если «Бог Саваоф» Данила Филиппович – личность более легендарная, нежели реальная, то первый хлыстовский «Христос» – Иван Тимофеевич Суслов, родившийся якобы от столетних родителей, действительно жил на белом свете. При нем и его преемнике, некоем Прокопии Лупкине, хлыстовщина распространилась по России, достигнув и Петербурга, и Москвы.

Главные составляющие хлыстовства: эмоциональное откровение, достижимое путем изнурительных радений, и бесконечная и непрерывная многократность божественных воплощений. Посредством поста, целомудрия, самоистязания, неустанных молитв и долгих радений пытались хлысты возжечь в себе искру Божества и получить благодать. Веря, что храм Божий находится в душе человека, хлысты отрицали церкви и не исполняли православных обрядов.

В каждой общине хлыстов был свой «сын божий Христос» и своя «богородица». Согласно их верованиям, с уходом из земной жизни очередного бога Святой Дух воплощается в новом теле, обеспечивая преемственность жития божьего на русской земле.

Простодушное и искреннее учение хлыстов, эта самобытная смесь язычества и православия, чем-то сродни буддизму, утверждающему, что каждый из нас способен достичь наивысшего просветления, надо только избавиться от своих страстей. Русскому крестьянству, изнуренному непосильным трудом, хлысты преподнесли бесценный дар – возможность стать «христом» или «богородицей», заслужив эту великую честь праведной жизнью.

Хлысты были аскетами, но аскетами самобытными, особенными. Поначалу они пробовали досконально придерживаться заповеди Данилы Филипповича, старались было и «с женами не жить», и «блуда не творить», но давалось столь сильное воздержание нелегко. Постепенно хлысты начали признавать сожительство по добровольному согласию между «сестрами» и «братьями», как воплощение «чистой Христовой любви», противостоящей благословенному «церковью Антихриста» браку. Впоследствии хлысты сошлись на том, что раз Дух Святой во время радений руководит волей молящихся (хлысты верили, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух, и дети, зачатые после коллективного совокупления, будут рождены от него), то человек уже не является ответственным за свои поступки, и стали осуществлять обуздание похоти путем свального греха, предаваясь ему во время радений, утверждая, что потакание желаниям плоти есть кратчайший путь к ее умерщвлению.

Освобождение от грехов путем греха – вот основная идея хлыстовства. Хлысты учат не бояться греха, ведь следом за ним идет покаяние, несущее грешнику спасение. Народ русский переделал эту догму в широко известную поговорку: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

Как для крепости тела необходимы физические упражнения, так и для крепости духа потребны упражнения духовные, во время которых грешники очищаются покаянием.

По преданию, «святые беседы» и «радения» учредил «Христос» Иван Суслов. Собрания общин – мужчины и женщины приходили на них в длинных, до пят, белых рубахах, босиком, со свечами в руках, – начинались с совместного пения духовных стихов, во время которого мужчины и женщины сидели порознь, затем начиналось хождение по кругу посолонь вокруг емкости со святой водой, которой хлысты кропили друг друга. Постепенно ритм песен все убыстрялся и убыстрялся, пока присутствовавшие не начинали хлестать себя ремнями или цепями для «умерщвления грешной плоти своей», приговаривая при этом: «Хлыщущу, хлыщущу, Христа ищущу...» Дойдя до определенного состояния, участники радений начинали выкрикивать пророчества, якобы подсказанные им Святым Духом, что и было главной целью и кульминацией радений.

Со временем допущение половой жизни, пусть даже по добровольному согласию сторон или во время радений, вызвало протест внутри хлыстовства, приведший к обособлению от него секты скопцов, добровольно кастрировавших себя во имя достижения чистейшего, высшего целомудрия. Основателем новой секты стал один из хлыстовских «Христов» Кондратий Селиванов, после своего оскотления, или, по выражению самих скопцов, «убеления», в 1765 году объявивший себя не только Богом, но и императором Петром III.

Зародившись как чисто крестьянская секта, хлыстовство со временем (к началу XIX века) проникло на самую вершину русского общества, заимев сторонников среди высшей знати Российской империи. В Петербурге долгое время существовала тайная хлыстовская секта, руководимая «богородицей» Екатериной Филипповной Татариновой. Постепенно аристократы, по сути своей чуждые духу аскетизма, скатились к разнузданным оргиям, тайное стало явным, и по приказу императора Николая I в 1837 году секту разогнали, а Татаринову даже арестовали и заточили в монастырь, где пробыла она десять долгих лет, пока не раскаялась в заблуждениях своих и не покаялась.

Краткие образные проповеди Распутина, его высказывания и взгляды во многом совпадали с мировоззрением хлыстов. Не исключено, что во время своих странствий он мог посещать хлыстовские общины-«корабли» и даже выполнять роль связного между ними. Подобные связные назывались у хлыстов «летучими ангелами» или «серафимами».

На Распутина, как на человека малограмотного, вдобавок к сильной воле и пытливой душе обладавшего повышенной эмоциональностью, не могла не произвести впечатление идея эмоционального постижения Бога, исповедуемая хлыстами и рядом других так называемых «мистических сект». Не получивший никакого образования, Григорий Распутин, конечно же, не был в состоянии ясно и цельно сформулировать свое так называемое учение. Иначе говоря, он обладал не оформленной системой взглядов, а неким сильным ощущением, если можно так выразиться, суперчувством, которое все его мысли и всю волю его направляло на поиски и постижение Бога.

В связи с хлыстами Григория Распутина власти будут подозревать еще не раз. Так, много позже, в 1908 году, когда о Распутине узнают и в столичном Петербурге, завистники и недоброжелатели, среди которых часто встречались служители церкви, примутся строчить доносы. В Тобольскую консисторию будут приходить письма, рассказывающие о том, как якобы разнузданно ведет себя Григорий Распутин с женщинами, приезжающими к нему отовсюду, в том числе и из Петербурга. Много будет написано о сеансах избавления от страстей, происходивших в распутинской бане, и чуть ли не в каждом письме будет упомянуто о том, что смолоду Распутин, дескать, был приверженцем хлыстовской ереси. Дело дойдет до отправки в Покровское специального консисторского следователя, который, правда, на горе доносчиков, вернется ни с чем.

«Батюшка царь... оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм, – писал Распутин. – Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я сам оказываю

помощь в постройке храма; а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить, обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте».

В Покровском против Распутина были настроены приходские священники отец Петр (Остроумов), настоятель церкви, и отец Федор (Чемагин). В первую очередь им не нравилось, что какой-то мужик позволяет себе не только соваться в дела священства, но и предавать служителей церкви «поношению», осуждая их на людях («благодать с недостойных пастырей отлетает и ложится на простецов», утверждал Распутин). Во-вторых, их раздражал непонятный духовный поиск Распутина, поиск истины, который они, не вникая и не желая вникать в его суть, сочли сектантством чистой воды.

Собрав как можно больше компрометирующей Распутина информации, а точнее говоря – обстоятельно записав все слухи и сплетни, отец Петр отправил донесение (донос, кляузу – суть едино) тобольскому епископу Антонию.

В январе 1908 года, в ночь после именин Григория, тюменским миссионером Глуховцевым по епископскому постановлению был произведен обыск в избе Распутина. При обыске присутствовали местный урядник и оба покровских священника.

Искали долго, усердно, рьяно, искали улики (в первую очередь ритуальную «кадку», возле которой происходят радения хлыстов), искали хлыстовские книги, облазили весь дом, чуть было не раскатали по бревнышку баню, но так ничего и не нашли.

О преследовании отца церковными властями не раз писала Матрена Распутина. Обратимся к ее воспоминаниям: «...по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, чтец мыслей, разгадыватель душевных тайн.

Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, вода за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят.

Священник увидел в отце врага, способного лишиться его, по крайней мере, части доходов. Теперь больные шли за исцелением к отцу, а не в церковь. Те же, кто искал духовного руководства, предпочитали получать хлеб из рук отца, а не камни из рук священника.

И без того разгневанный соперничеством „высочки“, священник пришел в ярость, узнав, что отец намерен соорудить на своем подворье подземную часовню.

Насколько я знаю, отец никогда открыто не выказывал своего отношения к Покровскому батюшке. Но тот был достаточно опытен и не нуждался в непосредственных объяснениях.

С точки зрения сугубо церковной, затея, подобная затее отца, не несла в себе ничего оскорбительного. От Покровского служителя Господнего потребовалось бы только освятить новую часовню. Или заявить, почему он этого делать не намерен.

Имея представление об отцовском характере, батюшка не мог отважиться на такой шаг. Отец молчать бы не стал, последовало бы разбирательство с привлечением деревенской общины (мира), многое могло бы тогда явиться на свет Божий.

Отец Петр решил – не мытьем, так катаньем – допечь неугодного.

А тем временем строительство продвигалось. Отец работал не переставая. Нашлись и помощники.

Когда уже все было закончено и собранные в странствиях моим отцом иконы расположили в нишах земляных стен, батюшка решил, что настал час действовать. И настроил донос.

В ожидании (и даже – в предвкушении) своей победы он строго-настрого запретил ходить в отцовскую часовню, предрекая кары небесные тем, кто будет продолжать потакать „пособнику дьявола“. Это не помогало. Прихожан в церкви не становилось больше. Наоборот.

Ответа от церковного начальства все не было, и батюшка направился в Тюмень сам.

Там его принял епископ. Батюшка вылил на отца не один ушат грязи, вплетая в уже устный донос все, что мог припомнить из сплетен, сопровождавших отца.

Картина получилась страшная.

Богобоязненный епископ пришел в ужас от творящихся в подведомственном ему приходе непотребств и тут же отправился вместе с отцом Петром в Покровское положить конец безобразиям. За ними последовали ученые монахи и полицейские.

Учинили целое следствие.

Полицейские, переодетые крестьянами, несколько раз побывали на службе в часовне, монахи с суровыми лицами ходили по деревне и расспрашивали тех, кто бывал на отцовских собраниях. Через несколько дней тщательного расследования они доложили епископу, остановившемуся в доме батюшки, – не замечено ничего, что могло бы хоть в какой-то степени подтвердить обвинения.

Епископ оказался человеком трезвомыслящим. К тому же за несколько дней жизни под одной крышей с батюшкой он рассмотрел его поближе и понял, с кем имеет дело.

Священник, который был уверен, что ненавистного соперника уберут с его дороги, был поражен. Все обернулось против него самого. Деваться некуда – батюшка был вынужден признать, что оговорил отца.

Священник оправдывался тем, что слухи передавали ему верные люди».

В другом месте Матрена Распутина писала: «Отец никогда не скрывал, что бывал на радениях хлыстов, но точно так же он никогда не говорил, что разделяет их взгляды... отец, как и любой другой христианин, полагал раскаяние и искупление грехов важной частью духовной жизни, он действительно особенно сильно воздействовал на женщин, благодаря чему и исцелял их успешнее мужчин. Но причина кроется не в особенностях хлыстовства, а в особенностях энергии отца».

Конечно же, своеобразная и независимая жизненная, а точнее, духовная позиция, не могла не привести Распутина к конфликту с церковными властями. Местный иерей обвинил его в сектантстве. Молельню пришлось оставить. «Враг-злодей все же таки навел людей, будто оказалось место лишнее, и мне пришлось переселиться в другое место...» – писал Распутин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.